

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИЦ О СЕМЬЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ ПО ПОЛУ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОЛЕВОЕ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В. В. Солодников¹, И. В. Солодникова¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Россия, Москва, ГСП-3, Миусская площадь, 6

Для цитирования: Солодников В. В., Солодникова И. В. Социальные представления российских школьниц о семье и раздельное по полу образование: полевое квазиэкспериментальное исследование // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 1. С. 73–94. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8861

Аннотация. Цель настоящей статьи – анализ влияния раздельного по полу образования на социальные представления российских школьниц о семье. В качестве методологии исследования используется подход социального конструктивизма и полевой квазиэкспериментальный метод.

Раздельное (по полу) среднее образование является социальным феноменом современной России. Замеры общественного мнения обнаруживают, что оно использует практически одни и те же аргументы как «за», так и «против» такого обучения. В тоже время выявлена взаимосвязь между таким обучением и школьной успеваемостью по гендерно чувствительным учебным предметам. Высшее профессиональное образование (раздельное по полу) обычно связано с получением военной специальности и касается, главным образом, мужчин. Выявлены некоторые личностные особенности и специфика межличностных отношений военнослужащих (в т.ч. девушек-курсантов). Наконец, изучены специфика детско-родительских отношений и некоторые личностные особенности детей, воспитывающихся в семьях профессиональных военных.

В российской исследовательской традиции известны две строгих дефиниции семьи. При этом неочевидно, насколько они согласуются с социальными представлениями «человека с улицы», особенно девушек, планирующих создание семьи. В настоящее время есть ряд исследований, выявляющих социальные представления о семье молодых людей, не состоящих в браке. Но их результаты трудно сопоставимы друг с другом и не всегда методически корректны.

Полученные данные позволяют сделать следующие основные выводы: раздельное по полу обучение девушек-подростков как независимая переменная предопределило особенности их социальных представлений о семье, которые лучше согласуются с дефиницией С. И. Голода и носят нормативный характер (доминирование кровнородственных связей и нуклеарной семьи). Но при этом ряд социальных общностей метафорически воспринимается как «семья», и в целом для различных (не)семейных общностей характерна более «мягкая» оценка. А взаимосвязь выявленных социальных представлений о семье с особенностями детско-родительских отношений нуждается в специальном изучении.

Ключевые слова: социальные представления; семья; раздельное по полу образование; полевой квазиэксперимент

Введение

В данной статье кратко последовательно будут рассмотрены: практика раздельного (по признаку пола) обучения в российской средней школе и в специализированных военных учебных заведениях, а также особенности детей и детско-родительских отношений в семьях профессиональных военнослужащих; академические дефиниции семьи в российской социологической традиции; социальные представления (в том числе их поколенческая специфика) о семье российской молодёжи, не состоящей в браке.

Сначала обратимся к феномену *раздельного (по признаку пола) обучения* в России и СССР сохраняющего свою актуальность в современных российских условиях.

В Российской империи такое обучение было распространено. В СССР оно было введено в 1943 г. и отменено в 1954 г. [13].

По мнению И. С. Кона, «только в XX-м веке, а радикально — в последней трети XX-го века образование стало не только всеобщим, равным, но и совместным...» [14]. При этом сегрегированными по полу учеников могут быть школы в целом или только некоторые школьные классы. В последнем случае такое обучение иногда называют «параллельно-совместным», когда обучение по «гендерно-сенситивным» предметам (язык и литература, где успехи хуже у мальчиков и технические, математические предметы, по которым хуже успеваемость девочек) происходит раздельно, а остальные уроки проходят в смешанных классах. При этом зарубежные данные фиксируют улучшение успеваемости по первой группе предметов [14].

По некоторым данным, в настоящее время в России насчитывается около 700 школ, практикующих раздельное обучение мальчиков и девочек [20, с. 3]. Одним из выводов специального исследования¹ такого обучения стала констатация факта: «раздельное обучение ведёт к повышению уровня когнитивной эмпатии у мальчиков и девочек подросткового и юношеского возраста...» [20, с. 7].

Вместе с тем, результаты «Фонда общественного мнения» (ФОМ) 2008 г.² свидетельствуют: три четверти россиян (76%) убеждены в преимуществах существующей системы обучения (только 9% придерживаются противоположного мнения и 15% затруднились с ответом). А среди тех, у кого есть дети, внуки или другие близкие родственники-школьники сторонников совместного обучения ещё больше — 83% [22]. Примечательно, что, объясняя свои предпочтения, респонденты могут использовать сходную аргументацию. Так, сторонники совместного обучения говорят о том, что дети «стремятся быть лучше друг перед другом»;

¹ Объект исследования — 332 учащихся 8–11 классов 13–17 лет, включая 168 мальчиков и 164 девочки. При этом неясно, какая часть из них обучалась раздельно.

² Опрос населения в 100 населённых пунктах 46 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства проводилось 22–23 декабря 2007 г. Выборка — 1500 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,6%.

«у девочек лучше проявляется женственность, а у мальчиков — качества мужчин», а их оппоненты отмечают, что при раздельном обучении «можно обратить больше внимания на воспитание женских качеств или, наоборот, мужских» [22].

За пределами средней школы также встречаются учебные / трудовые коллективы, гомогенные по полу их участников. Прежде всего, имеются в виду раздельное обучение в военных учебных заведениях, а также нахождение в сегрегированных по полу воинских коллективах, которые, видимо, связаны с некоторыми особенностями межличностных отношений и гендерных установок членов таких групп.

Так, специальное исследование юношей-военнослужащих срочной службы [9]¹ обнаружило, что «в условиях закрытых сообществ, а именно армейских подразделений <...> статус индивида определяется не его способностью к полноценной интеграции в группу, <...> а скорее, напротив, потребностью в индивидуализации в сочетании с готовностью и способностью «захватить» высокостатусную позицию <...> и удерживать её <...> силовыми методами [9, с. 158].

Ещё в одном эмпирическом исследовании стереотипов феминности [19]² у девушек было выявлено, что «...желание вступить в брак выше у курсантов-девушек, (тогда как) студентки не торопятся регистрировать брак, рожать детей, карьера (у них) — на первом плане...» [19, с. 39]. Кроме того, согласно данным специального опросника, авторы отмечают выраженную феминность девушек-курсантов. Но в противовес этому, ссылаясь на результаты наблюдения³, утверждается: от первого к третьему курсу у этих девушек формируются такие черты, как «стремление к лидерству, доминированию в отношениях с юношами, напористость, иногда грубость, нередко проявление агрессивных интонаций в общении» [19, с. 39].

Наконец, специального внимания заслуживает изучение личностных свойств детей, воспитывающихся в семьях профессиональных военных. Результаты, полученные в одном из исследований [12], можно резюмировать в виде таблицы (см. табл. 1). Примечательно, что автор исследования стремится проследить взаимосвязь между особенностями детско-родительских отношений в семье военных и личностными чертами детей.

¹ В качестве объекта исследования, проведённого в 2014–2017 гг. выступили 13 групп — армейских подразделений уровня «отделение — взвод» (численность 10–25 человек). Общее число респондентов составило 352 военнослужащих, призванных на действительную военную службу в возрасте 18–20 лет. Методы исследования: социометрия, референтометрия, методический приём определения неформальной интрагрупповой структуры власти в контактном сообществе, дифференциал психосоциального развития [9, с. 146].

² В опросе 2014 г. участвовали 30 девушек — студенток первого (средний возраст 18,5 лет) и выпускного курса (средний возраст 22 года) дефектологического факультета Ярославского госпедуниверситета. В последней группе 50% студенток состояли в браке. 60% из них имели одного ребёнка, ещё 40% были беременны. В 2017 г. были опрошены девушки-курсанты третьего курса Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны Министерства обороны РФ в возрасте 19–21 года (№=20) [19, с. 36–37].

³ К сожалению, вид наблюдения не указан, а методика не описана.

Таблица 1

Гендерная специфика личностных свойств подростков 11–13 лет¹

№	Дети военнослужащих		Дети гражданских лиц	
	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики
1	Тревожность			
	Выше	Ниже	Нет различий	
2	Агрессия			
	Косвенная, подозрительность, обидчивость	Вербальная, физическая, раздражение	Выше (косвенная, вербальная, подозрительность, обидчивость)	Ниже (физическая, раздражение, негативизм)
3	Чувство вины			
	Выше	Ниже	Выше	Ниже
4	Уровень социальной адаптивности			
5	Выше значительно	Ниже	Ниже	Выше незначительно
6	Выше тревожность, агрессивность (подозрительность) и враждебность, чувство вины. Ниже социальная адаптивность ($p \leq 0,05$)			
7	Преобладающее материнское отношение – «симбиоз», а отцовское – «авторитарная гиперсоциализация» независимо от пола ребёнка			

Что касается межсупружеских отношений в таких семьях, то есть некоторые свидетельства о меньшей удовлетворённости браком [3], но их надёжность сомнительна².

Далее обратимся к двум ключевым строгим дефинициям семьи в российской социологии. Оба определения в целом исходят из трёх основных свойств / атрибутов семьи: (кровное) родство-порождение (родительство)-свойство (брак). Существует определённая авторская специфика формулирования этих свойств. Однако главное различие этих дефиниций состоит в том, что одни авторы [5, с. 91] объединяют перечисленные свойства дизъюнктивно, с помощью союза «или», а другие [2, с. 66] – конъюнктивно, с помощью союза «и» (см. более подробно: [15]).

Однако помимо строго научных, «академических» дефиниций семьи обычные люди практически всегда «знают», что такое семья. При этом, как известно, «нечто, воспринимаемое, как реальное, – реально по своим последствиям». Особенно это справедливо в отношении *представлений* о семье, имеющих у молодых людей, которым ещё только предстоит её создать.

¹ Адаптировано из [11, с. 6–7; 15].

² В исследовании (анкетировании по трём стандартным методикам и интервью) приняли участие 10 супружеских пар военнослужащих и 10 гражданских пар в возрасте от 19–50 лет, со стажем совместной жизни (от 1 года до 30 лет), всего 40 человек [3, с. 139]. При такой вариативности возраста супругов и продолжительности брака остается неясным, насколько были выровнены сравниваемые группы по этим параметрам.

Автор понятия «социальные представления» С. Московиси развивает идеи о «коллективных представлениях» Э. Дюркгейма, а также опирается на работы В. Вундта, Л. С. Выготского, Л. Леви-Брюля и Ж. Пиаже.

Для него социальные представления — это «промежуточная стадия между понятием и восприятием, <...> (оно) позволяет восстанавливать то, что отсутствует в нашем окружении в настоящий момент, <...> опирается на символы, социальную реальность и социальное знание <...> цепочка идей, метафор и образов, более или менее свободно связанных друг с другом...» (цит. по: [4, с. 6]).

Кроме того, это «нечто общее в индивидуальных сознаниях членов социальной общности <...> часть индивидуальных сознаний, которая типична для представителей одной и той же социальной группы» (цит. по: [7, с. 148]).

При этом выделяются три основные функции социального представления: 1) сохранение стабильности индивидуальной / групповой когнитивной структуры; 2) адаптация внешних социальных фактов и 3) детерминация поведения [7, с. 148].

В свою очередь социальное представление о семье оказывается близким к понятию «*имплицитная теория семьи*», предлагаемому некоторыми авторами и обладающему следующими основными признаками: 1) фрагмент образа мира, организующий восприятие семьи и регулирующий поведение в ней; 2) оно используется для осознания интерпретации, объяснения или предсказания своего опыта; 3) является системой неявных представлений, допущений и положений; 4) становится имплицитной социальной теорией, т. е. представлениями группы [12, с. 163].

Далее обратимся к результатам некоторых исследований *социальных представлений молодых (и / или имплицитных теорий семьи) людей*, не состоящих в браке, о своей будущей семье, что является достаточно распространённым сюжетом для российской социологической и социально-психологической традиции.

Одно из исследований посвящено сравнительному изучению социальных представлений о браке, семье и романтических отношениях поколений «внуков» и «дедов» — соответственно Y и бэби-бумеров [8]¹.

В итоге у «внуков» был выявлен ряд отличительных черт социальных представлений о браке и семье: взаимная поддержка партнёров в развитии, разумное разрешение споров, сексуальная раскрепощённость, меньшая ценность зарегистрированного брака; ответственность, жизненная стойкость и гармоничная общность, а также верность [8, с. 39].

В другом исследовании авторы стремились сравнить социальные представления о семье у поколений родителей и детей (соответственно Y и Z)². Для молодых людей «ядром» таких представлений стали «любовь, мама, родители, дети, счастье», а «периферией» — «доверие, взаимопонимание, забота, поддержка» [21, с. 39].

¹ Опрашивались две группы респондентов: 1. 1984–2000 г.г. рождения; на момент анкетного опроса «снежным комом» — 18–34 года — «внуки» (№=192); 2. 1944–1963 г.г. рождения, соответственно 55–75 лет — «деды» (№=157). Пол и семейный статус респондентов не указаны [8, с. 31].

² В 2016–2017 гг. было опрошено путем выявления ассоциаций с понятием «семья» 120 человек, проживающих в Москве и выросших в полной семье, по 60 человек в возрасте от 17 до 34 лет и от 16 лет и младше. Пол и семейный статус респондентов не указаны [21, с. 38].

Ещё одно исследование было посвящено изучению взаимосвязи социальных представлений студентов о будущей семье и типа их коммуникации с родителями [1]¹.

Дисфункциональность эмоционального общения молодых людей со своими родителями оказалась прямо связана с такими параметрами как: большая ценность здоровья и карьеры (для девушек дополнительно — образования) и меньшая ценность детей; несформированность «детоцентрированного» (родители и дети) образа семьи и акцент на «взаимопонимание и общие интересы», а не на «любовь и нежность» как фактор «укрепления» семьи [1, с. 18–21].

Таким образом, социальные представления молодых и не состоящих в браке россиян о семье («встроенные» в имплицитную теорию семьи):

- обладают определённой спецификой (в сравнении с более старшими поколениями), акцентируя взаимную поддержку партнёров, меньшую ценность зарегистрированного брака, а также такие «ядерные» её атрибуты, как «любовь, мама, родители, счастье» и т. п.;

- при дисфункциональном характере общения с родителями в этих представлениях более выражены ориентации на здоровье и карьеру, взаимопонимание (а не любовь) с партнёром, а менее выражена установка на нуклеарную (родители и дети) семью;

- в условиях раздельного (по полу) обучения в средней школе учащиеся (независимо от пола) демонстрируют более высокий уровень когнитивной эмпатии, а также лучшую успеваемость по гендерно-специфичным учебным предметам;

- пребывание в гомогенных по полу воинских подразделениях обнаруживает силовые способы обеспечения более высокого статуса в межличностных отношениях в сочетании с выраженной потребностью в индивидуализации;

- для девушек — курсантов военных училищ характерны более выраженные феминные черты и стремления раньше вступить в брак;

- девочки-подростки, воспитывающиеся в семьях профессиональных военных, обладают рядом личностных особенностей (тревожность, агрессивность, чувство вины при высокой социальной адаптивности);

- наконец, дисфункциональным стилем родительства в семьях профессиональных военных является для матери — «симбиоз», а для отца — «авторитарная гиперсоциализация».

Перечисленные предпосылки обусловили авторский интерес к прояснению взаимосвязи между условиями раздельного обучения российских девушек с акцентом на формирование «гражданской идентичности», с одной стороны, и их социальными представлениями о семье — с другой.

¹ В январе–марте 2018 г., проведён анкетный опрос. Были опрошены студенты вузов г. Москвы различных направлений обучения (технического, естественнонаучного, гуманитарного) в возрасте 20–25 лет, не состоящие в браке и не имеющие детей. Далее были сформированы две группы респондентов: 1 — с высокими и 2 — средними показателями дисфункциональности семейных эмоциональных коммуникаций (15 юношей и 15 девушек) в каждой, всего 60 человек [1, с. 17–18].

При Министерстве обороны Российской Федерации более известны суворовские училища, в которых обучаются юноши. В этом отношении Пансион Министерства обороны РФ (далее — Пансион), в котором обучаются девушки, является уникальным учебным заведением.

Условия жизни и обучения воспитанниц Пансиона можно резюмировать следующим образом:

- гомогенный по полу состав обучающихся; все они — дочери военнослужащих;
- обучение происходит с 5 по 11 класс;
- есть несколько учебных специализаций (экономическая, гуманитарная и т. п.) старших классов;
- все учащиеся живут на территории Пансиона в благоустроенном общежитии по два человека;
- получают стипендию 1300–2000 руб. в месяц и находятся на полном государственном обеспечении;
- все посещают кружки / секции и участвуют в организованной экскурсионной программе;
- помимо учителей-предметников в Пансионе предусмотрен штат воспитателей и психологов (см. более подробно: [18]).

Организация и методика исследования

Предметом предпринятого исследования стали социальные представления о семье девушек-старшекласниц в зависимости от раздельного / совместного обучения, предполагающего ряд особенностей образа жизни.

В качестве *метода* исследования была выбрана *квазиэкспериментальная процедура*. Согласно Д. Кемпбеллу, использованный план должен быть отнесён к «доэкспериментальным» и схематически представлен на рис. 1.

Рис. 1. Схема квазиэкспериментального исследования, по Д. Кемпбеллу

Здесь X обозначает экспериментальную переменную или событие, влияние которого измеряется; O — некоторый процесс (и результат) измерения; X и O в одной строке относятся к одним и тем же конкретным лицам. Направление слева направо обозначает временной порядок. При этом нерандомизированные сопоставляемые группы отделяются друг от друга пунктирной линией [10, с. 47]. Именно отсутствие рандомизации (случайного распределения респондентов по группам), по мнению Д. Кэмбелла, не позволяет рассматривать предложенную схему в качестве эксперимента. При этом отмечается необходимость контроля состава групп [10, с. 60–61].

Однако в методической литературе отмечается, что, ориентируясь на проверку теоретической гипотезы и максимальный контроль воздействия независимой переменной (достигаемый, в том числе посредством рандомизации испытуемых) эксперимент становится *истинным* или *лабораторным*. Более того, «требования к истинному эксперименту могут быть полностью воплощены лишь в бесконечном идеальном эксперименте...» [6, с. 52].

Поскольку при проведении исследования в «полевых» условиях рандомизация респондентов невозможна, был использован контроль ключевых социально-демографических параметров каждой из групп, способных повлиять на зависимую переменную — образ семьи. Тогда схема *полевого* квазиэкспериментального исследования приобрела следующий вид (рис. 2):

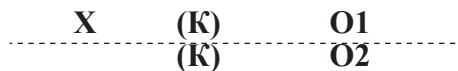

Рис. 2. Схема авторского полевого квазиэкспериментального исследования

Здесь (K) означает контроль переменных, способных оказать влияние на зависимую переменную.

Итак, в качестве **независимой переменной** выступили условия жизни и обучения воспитанниц Пансиона.

Зависимой переменной стали социальные представления девочек-подростков о формах и атрибутах семьи, измеряемые с использованием ранее разработанного [23] и апробированного [16] опросного (закрытого анкетного) инструментария.

В качестве **эмпирического объекта исследования** выступили 85 воспитанниц Пансиона, обучающиеся в 10-м классе (т. е. на момент опроса девушки уже шестой год учились и жили в Пансионе) различной специализации. Групповой письменный опрос (по месту учёбы) был проведён в декабре 2018 г.

Продолжительность опроса варьировалась в пределах 20–30 минут. Из последующей обработки результатов вследствие пропуска значительного количества вопросов были исключены шесть анкет. Таким образом, дальнейшей количественной обработке подверглись 79 анкет воспитанниц в возрасте 14–17 лет, составивших **экспериментальную группу**.

Для формирования **контрольной группы** была использована часть массива, полученного тем же методом в нескольких российских городах (Москва и Подмосковье, Иваново и Чебоксары, всего 442 анкеты) в октябре-декабре 2018 г. Из массива сначала были исключены все анкеты юношей, а затем из оставшихся 172 анкет с опорой на **контролируемые переменные** (возраст, этническая самоидентификация и др. (см. более подробно ниже)), были отобраны 75 анкет школьниц в возрасте 13–17 лет. Средний возраст опрошенных девушек удалось выровнять. По субъективной оценке материального положения родительской семьи и её количественной структуре (полноте) две группы тоже оказались близки. По остальным социально-демографическим параметрам опрошенных (контролируемым переменным) наблюдались отклонения (см. табл. 2).

Таким образом, среди школьников контрольной группы несколько меньше доля тех, кто идентифицирует себя как русских; преобладает школьное обучение без специализации; ниже школьная успеваемость и уровень образования родителей, а также они чаще являются единственными детьми (и реже у них есть два и более брата / сестры).

Возраст опрошенных подгрупп девушек, структура их родительской семьи и оценка её материального положения оказались близки. Постараемся выявленные особенности двух подвыборок проконтролировать и учитывать при анализе и интерпретации полученных данных.

Результаты и их обсуждение

Введя условную границу для среднего арифметического значения оценок (>3-х баллов по 6-балльной шкале) обнаружим, что к семейной форме общности «пансионерки» отнесли 27 из них, включая, не предполагающие кровнородственных связей, такие как армейское подразделение, детский дом, внебрачная бездетная пара, патронатный(е) родитель(и) с воспитываемыми детьми, спортивная команда, старые друзья, студенческое братство и некоторые другие. Подобное «смягчение» критериев семьи и метафорическое отнесение к ней широкого круга общностей характерно для американской студенческой выборки (см. более подробно: [16]).

Таблица 2

Социально-демографические параметры двух подвыборок респондентов, %

Параметр	Воспитанницы (N=79)	Школьницы (N=75)
Возраст, лет	15,8	15,7
Этническая самоидентификация		
Русская (россиянка, славянка т. п.)	77	69
Успеваемость за прошлый год		
Есть «тройки»	24	33
«4» и «5»	71	63
Только «5»	5	4
Специализация школьного класса		
Гуманитарная	35	22
Естественнонаучная	19	-
Социально-экономическая	22	7
Технологическая	17	3
Нет специализации / универсальная	7	68

Продолжение таблицы 2

Параметр	Воспитанницы (N=79)	Школьницы (N=75)
Возраст, лет	15,8	15,7
Структура родительской семьи		
Полная, с родными родителями	80	84
Образование родителей		
Среднее (среднее техническое)	4	15
Высшее у одного	18	35
Высшее у обоих	73	50
Другое (в т.ч. затрудняюсь ответить)	5	-
Наличие сиблингов		
Нет	15	27
Один	47	54
Два и более	38	19
Оценка материального положения родительской семьи		
Денег не хватает даже на питание	-	3
На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает серьёзные проблемы	3	3
Денег вполне хватает на питание и одежду, однако купить сейчас телевизор, холодильник, стиральную машину было бы трудно	22	21
Денег хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы сейчас купить новую машину	25	25
Наших заработков хватает на всё, кроме дорогих приобретений, как дача, квартира	23	20
Материальных затруднений не испытываем. При необходимости могли бы приобрести дачу, квартиру	27	28

Для школьниц таких семейных форм окажется только 23. Среди них без кровнородственных связей только две – детский дом и внебрачная бездетная пара.

Далее обратимся к общностям, которые девушками-старшеклассницами каждой группы практически единодушно признаются семьёй (см. табл. 3). Согласованность этих социальных представлений в двух выборках весьма высока, Из десяти общностей девять являются общими (различаются только их ранги).

Но более уверенное отнесение школьницами к семье такой общности, как «прародители, воспитывающие внуков» статистически значимо ($p \leq 0,01$) отличается от мнения «пансионеров» несмотря на то, что последние тоже считают эту общность семьёй. Оценки школьниц в целом выше, а в шести случаях статистически значимо, т.е, они более уверенно квалифицируют различные общности как семьи.

Таблица 3

Общности, наиболее признаваемые в качестве семьи (№=10)

№	Пансион			Школьницы		
	Общность	Среднее*	Различия**	Общность	Средне*	Различия**
1	Два биологических родителя и дети***	5,58	0,05	Два биологических родителя и дети	5,87	0,05
2	Биологическая мать с детьми	5,23		Прародители, их взрослые дети и внуки	5,57	0,001
3	Биологический отец с детьми	4,96	0,05	Биологический отец с детьми	5,37	0,05
4	Биологическая мать, отчим и дети	4,86	0,01	Двое приемных родителей и их дети	5,36	0,05
5	Двое приемных родителей и их дети	4,80	0,05	Биологическая мать с детьми	5,33	
6	Биологический отец, мачеха и дети	4,77		Биологическая мать, отчим и дети	5,29	0,01
7	Супружеская пара без детей	4,77		Супружеская пара без детей	5,15	
8	Биологическая мать, отец мужа (свекор) и дети	4,73		Биологический отец, мачеха и дети	5,14	
9	Прародители, их взрослые дети и внуки	4,65	0,001	Прародители, воспитывающие внуков	4,79	0,01
10	Взрослые брат/сестра, воспитывающие младших сиблингов	4,56		Взрослые брат/сестра, воспитывающие младших сиблингов	4,76	

*«Среднее» – средняя арифметическая оценка по группе, где «1» – «Я совершенно определён НЕ назвал(а) бы это семьёй»; «6» – «Я совершенно определён НАЗВАЛ(А) бы это семьёй».

**«Различия» – статистическая значимость различий по t-критерию Стьюдента.

***Серым фоном выделены общности, общие для двух групп респондентов.

Практически все эти общности основаны на отношениях кровного родства или / или порождения, Единственное исключение – «двое приемных родителей с детьми». При этом школьницы вновь с большей уверенностью ($p \leq 0,05$) считают эту общность семьёй. Отметим, что безусловное лидерство нукlearной семьи с биологическими отношениями порождения, с одной стороны, может свидетельствовать о нормативном характере таких социальных представлений. С другой стороны, это демонстрирует отсутствие дисфункциональности в отношениях респондентов с родителями [1].

Возможно, более осторожная квалификация «пансионерками» различных общностей в качестве семьи связана с отмеченным ранее стремлением военнослужащих к индивидуализации [9], допустимостью / желательностью большей вариативности форм семьи.

Далее обратимся к социальным представлениям респондентов об общностях, уверенно относимых обеими группами респондентов к несемейным (см. табл. 4).

Таблица 4

Общности, не признаваемые в качестве семьи (№=10)

№	Пансион			Школьницы		
	Общность	Среднее*	Различия**	Общность	Среднее*	Различия**
1	Одинокий взрослый без детей***	1,85		Отделение милиции	1,17	0,001
2	Отделение милиции	2,03	0,001	Члены общественной организации или местного самоуправления	1,18	0,001
3	Члены общественной организации или местного самоуправления	2,23	0,001	Пожарная станция с персоналом	1,54	0,001
4	Учащиеся на занятиях школе/колледже	2,32	0,001	Учащиеся на занятиях школе/колледже	1,58	0,001
5	Пожарная станция с персоналом	2,35	0,001	Соседи по комнате (в общежитии), не связанные романтическими отношениями	1,65	0,001
6	Религиозная паства	2,35		Группа (офисных) сотрудников	1,70	0,001
7	Группа (офисных) сотрудников	2,37	0,001	Одинокий взрослый без детей	2,13	
8	Соседи по комнате (в общежитии), не связанные романтическими отношениями	2,69	0,001	Спортивная команда	2,15	0,001
9	Проживающие в приюте или временном убежище	2,76	0,01	Армейское подразделение	2,17	0,001
10	Коммуна	2,99	0,001	Проживающие в приюте или временном убежище	2,19	0,01

*«Среднее» – средняя арифметическая оценка по группе, где «1» – «Я совершенно определён НЕ назвал(а) бы это семьёй»; «6» – «Я совершенно определён НАЗВАЛ(А) бы это семьёй».

**«Различия» – статистическая значимость различий по t-критерию Стьюдента.

***Серым фоном выделены общности, общие для двух групп респондентов.

Однако теперь все оценки различаются статистически значимо, а школьники вновь выражают своё мнение более уверенно / категорично, Особенно примечательным является оценка «армейского подразделения». У пансионеров она в среднем составила 3,42 (у «спортивной команды» – 3,33). Если принять за условную границу 3-балльную оценку (по 6-балльной шкале), то в их социальных представлениях эта общность является семьёй, а «коммуна» вплотную приближена к этой границе (2,99).

Во-первых, подобная более широкая метафорическая интерпретация этих общностей как семейных, возможно, отчасти связана с отмеченной ранее более выраженной когнитивной эмпатией у школьников (независимо от пола) в условиях раздельного (по полу) обучения [20]. Но, во-вторых, при восприятии этих общностей как несемейных оценки «пансионеров» статистически значимо ближе к их восприятию как семьи. Подобная, но более ярко выраженная тенденция была ранее отмечена в американской студенческой выборке [16].

Среди них вновь восемь (из десяти) являются общими для обеих групп респондентов.

Какие характеристики или атрибуты присущи семье, по мнению девушек-подростков? Обратимся к наиболее выраженным ТОП-10 из них (табл. 5).

Таблица 5

Наиболее значимые атрибуты семьи (№=10)

№	Пансион			Школьницы		
	Атрибут	Среднее*	Различия**	Атрибут	Среднее*	Различия**
1	Понимание	7,59	0,01	Доверие***	7,51	
2	Честность	7,56	0,01	Забота	7,33	
3	Поддержка	7,53		Поддержка	7,30	
4	Чувство единства / быть вместе	7,48	0,05	Уважение	7,27	
5	Доверие	7,47,		Любовь	7,23	
6	Тепло	7,47,	0,01	Доброта	7,21	
7	Любовь	7,46		Счастье	7,19	
8	Счастье	7,38		Воспитание	7,19	0,001
9	Преданность	7,30		Дружба	7,15	
10	Совместное преодоление трудностей	7,29	0,05	Мама	7,13	

*«Среднее» – средняя арифметическая оценка по группе, где «1» – «считаю, что это НЕ главное для семьи»; «8» – «считаю это главным для семьи».

**«Различия» – статистическая значимость различий по t-критерию Стьюдента.

***Серым фоном выделены атрибуты семьи, общие для двух групп респондентов.

В этом случае только четыре (из десяти) наиболее важных атрибута семьи являются общими для двух групп: поддержка-доверие-любовь-счастье.

Существенным является факт того, что практически все они связаны с качеством супружеских и / или внутрисемейных отношений. Единственное исключение – признание школьницами (при отсутствии статистически значимых различий с мнением «пансионерок») «мамы» важным атрибутом семьи. Ранее отмечались такие поколенчески-специфичные атрибуты семьи российской молодёжи, как «любовь, мама, родители, счастье» [21]. Однако в нашем случае примечательно, что любовь и счастье обладают лишь пятым-восьмым рангом, уступая другим характеристикам семьи. Более того, «периферией» таких социальных представлений молодёжи о семье были «доверие, взаимопонимание, забота, поддержка» [21]. По нашим же данным доверие, забота и поддержка, наоборот, обладают более высокими местами в иерархии параметров семьи (см. табл. 5)¹.

Напомним, что, по мнению некоторых авторов [1], установки молодых людей на «взаимопонимание и общие интересы», а не на «любовь и нежность» связаны с дисфункциональностью детско-родительских отношений. В семьях с супругами – профессиональными военными дисфункциональные стили родительства – «симбиоз» для матери и «авторитарная гиперсоциализация» для отца [11]. Исходя из этого дисфункциональность детско-родительских отношений следует приписать обоим подвыборкам (причём она более выражена у школьниц), что вряд ли возможно.

Кроме того, выше при анализе социальных представлений о семье школьниц и «пансионерок» обнаружилось чёткое доминирование нуклеарной семьи. А это, согласно тем же авторам, свидетельствует об отсутствии дисфункциональности в детско-родительских отношениях.

Наконец, по нашим данным, признаки семьи как «команды» есть в обеих группах («пансионерки» – 1–5, 9–10; школьницы – 1–4). При этом «командо»-ориентированность социальных представлений о семье у «пансионерок» выражена сильнее, а в четырёх случаях – статистически значимо. Ранее было показано, что такие социальные представления о семье характерны для российских студентов в целом по сравнению с американскими [16]. В таком случае эта особенность социальных представлений о семье является, скорее, культурно специфичной для современной российской молодёжи, не состоящей в браке.

Единственный специфичный и статистически значимо ($p \leq 0,001$) отличающийся атрибут семьи у школьниц – «воспитание». Не исключено, что это является индикатором «имплицитной теории семьи», основанной на практике их детско-родительских отношений: успеваемость школьниц ниже (см. табл. 2) и они, в отличие от «пансионерок», постоянно живут с родителями. Поэтому первые более вероятно испытывают «воспитывающее», социализирующее воздействие родителей.

Наконец, обратимся к таким атрибутам различных общностей, которые, по мнению респонденток, не присущи семье (табл. 6).

¹ При этом следует помнить, что инструментарий обоих исследований различается, а соответствующая группа респондентов в исследовании цитируемых авторов описывается как 60 москвичей из полной семьи в возрасте от 16 лет и младше [21, с. 38].

Таблица 6

Наименее значимые атрибуты семьи, среднее арифметическое значение ≤ 4

№	Пансион			Школьницы		
	Атрибут	Среднее*	Различия**	Атрибут	Среднее*	Различия**
1	Грусть***	2,65		Грусть	2,36	
2	Конфликты	3,44		Конфликты	2,89	
3				Не кровные родственники	3,60	0,05

*«Среднее» – средняя арифметическая оценка по группе, где «1» – «считаю, что это НЕ главное для семьи»; «8» – «считаю это главным для семьи».

**«Различия» – статистическая значимость различий по t-критерию Стьюдента.

***Серым фоном выделены атрибуты семьи, общие для двух групп респондентов.

В целом в социальных представлениях девушек присутствует позитивный «ореол» семьи (отрицается переживание грусти в семейной жизни). Для школьниц – некровное родство (свойство – посредством заключение брака) является несущественным. Для «пансионеров» брак и возникающее «социальное родство» статистически значимо важнее ($p \leq 0,05$), но не является приоритетом. Для обеих групп девушек в социальных представлениях о семье выявлена ориентация на кровнородственные связи по материнской и отцовской линии (см. табл. 2 топ-10 форм семьи).

Однако ряд перечисленных общностей и атрибутов семьи, специфичных для одной из подвыборок, обнаруживают статистически значимые связи с контролируемыми переменными (табл. 7). Таким образом, характер выявленных в полевом квазиэксперименте связей между раздельным / совместным по полу обучением и социальными представлениями старшеклассниц о семье может быть искажён / «зашумлён» влиянием контролируемых переменных.

Таблица 7

Корреляции контролируемых переменных с формами и атрибутами семьи

№	Контролируемая переменная	(Не)семейная общность	(Не)важный атрибут семьи	Характер связи
1	Национальность (где 1 – русская и т. п.; 2 – другое)	Биологический отец с детьми*		Прямая
		Биологическая мать, отчим и их дети*		Прямая
		Группа (офисных) сотрудников*		Прямая
2	Школьная успеваемость	Прародители их взрослые дети и внуки**		Прямая
		Прародители, воспитывающие внуков**		Прямая
		Проживающие в приюте или временном убежище*		Прямая
		Соседи по комнате (в общежитии), не связанные романтическими отношениями*		Прямая

Продолжение таблицы 7

№	Контролируемая переменная	(Не)семейная общность	(Не)важный атрибут семьи	Характер связи
3	Образование родителей	Соседи по комнате (в общежитии), не связанные романтическими отношениями*	Чувство единства/ быть вместе* Воспитание*	Прямая
		Члены общественной организации или местного самоуправления*		Обратная Прямая
		Учащиеся на занятиях школе\колледже*		Прямая
4	Наличие (и количество) сиблингов	Члены общественной организации или местного самоуправления**		Прямая
		Группа (офисных) сотрудников*		Прямая
		Армейское подразделение**		Прямая
		Пожарная станция*		Прямая
		Спортивная команда*		Прямая
		Два биологических родителя и дети*		Обратная

*Корреляция (1-сторонний коэффициент Спирмена) статистически значима ($P \leq 0,05$).

**($P \leq 0,01$).

***Серым фоном выделены формы / атрибуты семьи, общие для двух групп респондентов.

Для проверки этой альтернативной гипотезы был проведён факторный анализ (двухфакторное решение) с варимакс–вращением (выборочные данные – см. табл. 8). Таким образом, именно тип образовательного учреждения в сравнении с контролируемыми социально-демографическими переменными обладает наибольшим «весом» при анализе социальных представлений об атрибутах семьи.

Таблица 8

Атрибуты семьи: двухфакторное решение методом главных компонент с варимакс-вращением (выборочно)

Переменные	Фактор 1	Фактор 2
(Не)семейные общности (№=69)	-0,202-0,781	-0,008-0,669
Национальность (1 – русская, 2 – другое)	0,017	0,068
Успеваемость	0,092	-0,056
Сиблинги (№)	-0,076	0,034
Образование родителей	0,125	-0,073
Тип школы (1 – обычная, 2 – Пансион)	0,178	-0,129
Доля объяснённой дисперсии	14,7	12,3

Аналогичная картина наблюдается применительно к формам семьи (см. табл. 9). Исключением является только больший «вес» одной социально-демографической переменной (количества сиблингов), но лишь во втором факторе. Поэтому, как для первого фактора, объясняющего максимальную долю

дисперсии, так и суммарно (по двум факторам) по сравнению с контролируемы-ми социально-демографическими переменными лидерство вновь сохраняется за независимой переменной, т. е. типом образовательного учреждения.

Таблица 9

Формы семьи: двухфакторное решение методом главных компонент с варимакс-вращением (выборочно)

Переменные	Фактор 1	Фактор 2
Атрибуты семьи (№=37)	0,210-0,758	-0,346-0,643
Национальность (1 – русская, 2 – другое)	0,134	0,064
Успеваемость	0,178	0,004
Сиблинги (№)	-0,074	0,218
Образование родителей	0,076	0,079
Тип школы (1 – обычная, 2 – Пансион)	0,258	0,113
Доля объяснённой дисперсии	26,4	16,1

Выводы

Раздельное по полу обучение остаётся социальным феноменом современной России. Имеющиеся данные стремятся проследить его взаимосвязь непосредственно со школьной успеваемостью. Более широкие интересы учащихся (в частности их имплицитные теории семьи) обычно оказываются вне поля внимания исследователей.

Раздельное по полу среднее и высшее военное образование, а также военная служба в значительной мере смещены в сторону мужчин, обычно выступающих в качестве объекта исследования.

В российских условиях Пансион Министерства обороны РФ является уникальным средним образовательным учреждением для девушек с элементами военного образования. Именно пребывание в этом учреждении, задающее определённый стиль жизни, выступило в качестве независимой переменной (при контроле ключевых социально-демографических параметров), влияющей на социальные представления российских девушек о семье.

Социальные представления о семье российских девушек-подростков в целом ближе к «академической» дефиниции С. И. Голода. При этом их социальные представления о наиболее явных формах семейных общностей весьма согласованы и нормативны.

Однако при доминирующей роли в этих представлениях кровнородственных связей (и особенно нукlearной семьи) ряд социальных общностей метафорически тоже воспринимается как «семья». Последняя тенденция сильнее выражена у воспитанниц Пансиона и может свидетельствовать о допустимости ими большей вариативности форм семьи.

Более «мягкая» оценка воспитанницами Пансиона различных (не)семейных общностей, возможно, связана с отмеченным ранее стремлением военнослужащих к индивидуализации.

Социальные представления о характеристиках, присущих семье (её атрибутах), у старшекласниц и воспитанниц Пансиона согласованы гораздо меньше. Диапазон этих параметров весьма широк. Отрицается наличие у семьи только одного из них (общих для обеих групп) — «грусть». Вместе с тем, в каждой подвыборке есть слабо выраженный, но специфичный атрибут семьи: для «пансионеров» это «конфликты» (что отражает более выраженную реалистичность их социальных представлений о семье), а для «школьниц» — некровные родственники.

При этом среди атрибутов семьи в обеих группах респондентов «любовь и счастье» занимают более низкие ранговые места по сравнению с «пониманием, честностью, доверием, заботой, поддержкой» и т. п. Этот результат не совпадает с аналогичными российскими данными (при различии объекта и методики исследования) и вновь отражает более чётко выраженную реалистичность / прозаичность (в противовес романтичности) социальных представлений старших школьниц о семье.

Связь этого результата с дисфункциональностью детско-родительских отношений может быть подвергнута сомнению, поскольку отмеченное выше доминирование в социальных представлениях нуклеарной семьи, согласно другим данным, напротив, свидетельствует об их функциональности. Видимо, характер этой связи нуждается в дальнейшем специальном изучении.

Список литературы

1. *Алексеевко Т. А., Енакаева Е. В.* Особенности представлений о будущей семье у молодёжи, выросшей в условиях дисфункциональности родительской семьи // Проблемы современного образования. 2018. № 6. С. 14–26.
2. *Антонов А. И.* Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. М. : Изд-во МГУ ; Изд-во ун-та бизнеса и управления («Братя Карич»), 1996. 304 с.
3. *Берг Т. Н., Городилова Е. А.* Удовлетворённость браком в семьях военнослужащих // Вестник морского университета. 2007. № 21. С. 137–143.
4. *Бовина И. Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
5. *Голод С. И.* Состояние и перспективы развития семьи. Теоретико-типологический анализ. Эмпирическое обоснование / С. И. Голод, В. А. Клецин. СПб. : С.-Петербург. филиал Ин-та социологии РАН, 1994. 42 с.
6. *Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 208 с.
7. *Донцов А. И., Емельянова Т. П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии // Вопросы психологии. 1984. № 1. С. 147–152.

8. *Емельянова Т. П., Шмидт Д. А.* Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43.

9. *Ильин В. А., Свириной Д. В.* Психосоциальное развитие высокостатусных, среднестатусных и низкостатусных военнослужащих срочной службы // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 1. С. 144–161. DOI: 10.17759/sps.2018090110.

10. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Сост. и общ. ред. М. И. Бобновой ; вступ. статья Г. М. Андреевой. М. : Прогресс, 1980. 392 с.

11. *Локтаева С. А.* Специфика проявления личностных свойств детей в семьях профессиональных военнослужащих. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2011. 26 с.

12. Психология субъективной семантики : истоки и развитие : [монография] / М. М. Абдуллаева [и др.]; под ред. И. Б. Ханиной, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 471 с.

13. Раздельное обучение // Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т. / Гл. ред. В. В. Давыдов. Т. 2. М. : Большая российская энциклопедия, 1999. С. 245–246.

14. Раздельное обучение: плюсы и минусы. Лекция И. С. Кона // Полит.ру: [сайт]. 18.11.2008 г. URL: <https://polit.ru/article/2008/11/18/kon/> (дата обращения: 12.10.2020).

15. *Солодников В. В.* Семья и семейные группы: к уточнению понятий и перспектив исследования // Современная социальная психология: теоретические подходы и прикладные исследования. 2011. № 1(10). С. 43–56.

16. *Солодников В. В., Солодникова И. В.* Социальные представления молодежи о семье в кросс-культурной перспективе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2016. № 3 (5). С. 91–111.

17. *Солодников В. В., Солодникова И. В.* Идентичность личности и социальные представления о семье воспитанниц пансиона МО РФ // Традиции и инновации гражданского воспитания в современном образовательном пространстве. М. : Московский институт психоанализа ; Когито-Центр, 2019. С. 39–51.

18. *Солодников В. В., Солодникова И. В.* Социальные представления о семье воспитанниц пансиона Министерства обороны РФ и студентов: сравнительный анализ // Социальные процессы современной России / Под общ. ред. проф. З. Х. Саралиевой: В 2-х т. Т. 1. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2020. С. 503–509.

19. *Тихомирова Л. Ф., Макеева Т. В., Гурьянчик В. Н.* Исследование социальных стереотипов феминности у обучающихся военных и гражданских вузов // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 35–41.

20. *Троицкая Е. А.* Влияние условий раздельного обучения на развитие эмпатии у школьников подросткового и юношеского возраста. Автореф. ... канд. психол. наук. М., 2012.

21. *Швецова М. Н., Собченко М. Р.* Образ семьи в представлениях поколения детей и родителей (поколения Y и Z) // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2018. Вып. 2. С. 36–40. DOI: 10.25586/RNU.V925X.18.02.P.036.

22. *Шмерлина И. А.* Раздельное обучение в школах: преимущества и недостатки // ФОМ. База данных: [сайт]. 10.01.2008. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d080124> (дата обращения: 15.10.2020).

23. *Weigel D. J.* The Concept of Family An Analysis of Laypeople's Views of Family // Journal of Family Issues. 2008. Vol. 29. no. 11. pp. 1426–1447.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Солодников Владимир Владимирович, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: Solodnikovv@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 440561

Солодникова Ирина Витальевна, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: 14a20ivs@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 630671

Дата поступления в редакцию: 11.07.2021. Принята к печати: 30.10.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8861

Social Representations of the Family Among Russian School-Girls and All-Girls Education: Field Quasi-Experimental Research

Vladimir V. Solodnikov¹, Irina V. Solodnikova¹

¹Russian State University for the Humanities.

6, Miusskaya sq., GSP-3, Moscow, Russia, 125993

For citation: Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. (2022). Social representations of the family among Russian school-girls and all-girls education: field quasi-experimental research. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 1. P. 73–94. DOI: 10.19181/snsp.2022.10.1.8861

Abstract. The objective of this article is to analyze of the effect of the secondary education segregated by gender on social concept of “family” among schoolgirls. The approach used is social constructivism and the method is field quasi experiment. Secondary education segregated by gender is a social phenomenon in Russia. Public opinion polls show that people use the virtually same arguments pro and against it. At the same time there is a correlation between such forms of education and educational achievements in gender sensitive disciplines.

Higher professional education segregated by gender is usually related to getting a qualification in the army mainly by young men. Some personality traits and peculiarities of interpersonal relationships among members of the army (including female students) were brought to light. Lastly, some peculiarities of parent-child relationships and some personality patterns among children from families of professional army men were examined.

There are two strict definitions of family in Russian research. It's not obvious, though, how they correspond with social perceptions of it by ‘people on the streets’, especially girls planning to have a family of their own. Today there are a number of surveys on social perceptions of family among unmarried young people (including girls). The results, though, are not comparable with each other and not always methodically correct. The empirical data allows to make the following conclusions: girl's education segregated by gender, when it is analyzed as an independent variable, predetermined peculiarities of their social representation about family that are better aligned with S. I. Golod's definition of family and are normative (prepotency of blood relative bond and nuclear families). It must be noted that a number of social communities, though, are also figuratively perceived as family and on the whole (non-)familial communities have “softer” evaluation. The correlation between discovered social representations of family and features of parent/child relationships needs more research.

Keywords: social representations; family; gender-segregated education; field quasi-experiment

REFERENCES

1. Alekseenko T. A., Enakaeva E. V. (2018). Osobennosti predstavlenij o budushchej sem'e u molodezhi, vyrosshej v usloviyah disfunktsional'nosti roditel'skoj sem'i. [Features of ideas about the future family among young people who grew up in a dysfunctional parental family]. *Problemy sovremenno obrazovaniya*. №6. P. 14–26. (In Russ.).
2. Antonov A. I., Medkov V. M. (1996). *Sotsiologiya sem'i*. [Family sociology]. M.: Izd-vo MGU; Izd-vo un-ta biznesa i upravleniya («Brat'ya Karich»). 304 p. (In Russ.).
3. Berg T. N., Gorodilova E. A. (2007). Udovletvorennost' brakom v sem'yakh voennosluzhashchikh. [Satisfaction with marriage in military families]. *Vestnik morskogo universiteta*. № 21. P. 137–143. (In Russ.).
4. Bovina I. B. (2010). Teoriya sotsial'nykh predstavlenij: istoriya i sovremennoe razvitie. [Theory of social representations: history and modern development]. *Sotsiologicheskij zhurnal*. № 3. P. 5–20. (In Russ.).
5. Golod S. I., Klecin V. A. (1994). *Sostoyanie i perspektivy razvitiya sem'i. Teoretiko-tipologicheskij analiz. Empiricheskoe obosnovanie*. [The state and prospects of family development. Theoretical and typological analysis. Empirical substantiation]. Saint Petersburg: S.-Peterb. filial In-ta sociologii RAN publ. 42 p. (In Russ.).
6. Devyatko I. F. (1998). *Metody sotsiologicheskogo issledovaniya*. [Methods of sociological research]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 208 p. (In Russ.).
7. Dontsov A. I., Emel'yanova T. P. (1984). Kontseptsiya sotsial'nykh predstavlenij v sovremennoj frantsuzskoj psikhologii. [The concept of social representations in modern French psychology]. *Voprosy psikhologii*. № 1. P. 147–152.
8. Emel'yanova T. P., Shmidt D. A. (2019). Romanticheskie otnosheniya i brak v sotsial'nykh predstavleniyakh pokolenij millenialov i bebi-bumerov. [Romantic relationships and marriage in the social representations of millennials and baby-boomers generations]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskije nauki*. № 1. P. 29–43. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43. (In Russ.).
9. Il'in V. A., Svirin D. V. (2018). Psikhosotsial'noe razvitie vysokostatusnykh, srednestatusnykh i nizkstatusnykh voennosluzhashchikh srochnoj sluzhby. [Psychosocial development of high-status, medium-status and low-status conscripts]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. T. 9, № 1. P. 144–161. DOI: 17759/sps.2018090110. (In Russ.).
10. Kempbell D. (1980). Modeli eksperimentov v sotsial'noj psikhologii i prikladnykh issledovaniyakh. [Experimental models in social psychology and applied research]. Ed. by M. I. Bobneva. Vstup. stat'ya G. M. Andreevoj. M.: Progress publ. 392 p. (In Russ.).
11. Loktaeva S. A. (2011). *Spetsifika proyavleniya lichnostnykh svoystv detej v sem'yakh professional'nykh voennosluzhashchikh*. [The specifics of the manifestation of personal properties of children in the families of professional servicemen]. Moscow. 26 p. (In Russ.).
12. *Psikhologiya sub'ektivnoj semantiki: istoki i razvitie*. (2011). [Psychology of subjective semantics: origins and development]. Ed. by I. B. Hanina. D. A. Leont'ev. M.: Smysl publ. pp.161–189. (In Russ.).
13. Razdel'noe obuchenie. (1999). [Separate training]. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya*. V 2-h t. Ed. by V. V. Davydov. T. 2. M.: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. P. 245–246. (In Russ.).
14. Razdel'noe obuchenie: plyusy i minusy. Lektsiya I. S. Kona. (2008). [Separate training: pros and cons. Lecture by I. S. Kona]. URL: <https://polit.ru/article/2008/11/18/kon/> (data obrashcheniya: 12.10.2020). (In Russ.).
15. Solodnikov V. V. (2011). Sem'ya i semejnye gruppy: k utocnieniu ponyatij i perspektiv issledovaniya. [Family and family groups: to clarify the concepts and perspectives of the study] // *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya: teoreticheskie podkhody i prikladnye issledovaniya*. № 1(10). P. 43–56. (In Russ.).

16. Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. (2016). Sotsial'nye predstavleniya molodezhi o sem'e v kross-kul'turnoj perspective. [Social ideas of young people about the family in a cross-cultural perspective]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*. № 3 (5). P. 91–111. (In Russ.).
17. Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. (2019). Identichnost' lichnosti i sotsial'nye predstavleniya o sem'e vospitannits pansiona MO RF. *Traditsii i innovatsii grazhdanskogo vospitaniya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve*. [Personal identity and social ideas about the family of boarding school students of the Ministry of Defense of the Russian Federation]. M.: Moskovskij institut psihoanaliza; Kogito-Centr. P. 39–51. (In Russ.).
18. Solodnikov V. V., Solodnikova I. V. (2020). Sotsial'nye predstavleniya o sem'e vospitannits pansiona Ministerstva oborony RF i studentok: sravnitel'nyj analiz. [Social ideas about the family of pupils of the boarding school of the Ministry of Defense of the Russian Federation and female students: comparative analysis]. Sotsial'nye protsessy sovremennoj Rossii. Ed. by Z. H. Saraliev. V 2-h t. T. 1. Niznyi Novgorod: Izd-vo NISOC. P. 503–509. (In Russ.).
19. Tihomirova L. F., Makeeva T. V., Gur'yanchik V. N. (2017). Issledovanie sotsial'nykh stereotipov feminnosti u obuchayushchihsvya voennykh i grazhdanskikh vuzov. [Research of social stereotypes of femininity among students of military and civilian universities]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. № 4. P. 35–41. (In Russ.).
20. Troitskaya E. A. (2012). Vliyanie uslovij razdel'nogo obucheniya na razvitie empatii u shkol'nikov podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta. [The influence of the conditions of separate education on the development of empathy in adolescent and adolescent schoolchildren]. Moscow. (In Russ.).
21. Shvetsova M. N., Sobchenko M. R. (2018). Obraz sem'i v predstavleniyakh pokoleniya detej i roditel'ev (pokoleniya Y i Z). [The image of the family in the views of the generation of children and parents (Y and Z generation)]. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire»*. Vyp. 2. P. 36–40. DOI: 10.25586/RNU.V925X.18.02.P.036. (In Russ.).
22. Shmerlina I. (2008). Razdel'noe obuchenie v shkolakh: preimushchestva i nedostatki. [Separate education in schools: advantages and disadvantages]. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/d080124> (data obrashcheniya: 15.10.2020). (In Russ.).
23. Weigel D. J. (2008). The Concept of family an analysis of laypeople's views of family. *Journal of Family Issues*. Vol. 29, № 11. P. 1426–1447.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Solodnikov Vladimir Vladimirovich, Doctor of Sociology, Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: Solodnikovv@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3440-9096

ResearcherID: AFY-9107-2022

Scopus AuthorID: 24482340300

Solodnikova Irina Vitalievna, Doctor of Sociology, Professor,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: 14a20ivs@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1825-0097

ResearcherID: AFY-9353-2022

The article was submitted on July 11, 2021. Accepted on October 30, 2021.